Б. Н. ПУТИЛОВ

НЕГОШ И ЧЕРНОГОРСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Среди европейских поэтов нового времени были превосходные знатоки народной поэзии, мастера, создававшие произведения, подчас не отличимые от фольклорных; были неутомимые собиратели и квалифицированные издатели народных песен; были, наконец, люди, осознававшие общенациональное значение фольклора и теоретически осмыслявшие его. Уникальность Негоша состоит в том, что в нем все эти качества соединялись и дополнялись еще существенными гранями. Одну из этих граней мы обнаружим, если сопоставим Негоша с его великим русским современником Александром Пушкиным. Пушкину было 25 лет, когда он в письме брату из Михайловского поделился с ним: „Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания". (Пушкин, с. 108).

Выросший на почве европейской образованности, с детства впитавший вершинные достижения мировой культуры. Пушкин в зрелом возрасте ощутил жгучую потребность — обратиться к народным истокам, в устнопоэтической традиции, к живому народному слову. В эти же самые годы мальчик Раде жил в своем краю, естественно и органично усваивая все многообразие народной традиционной культуры. Об этом лучше всех сказал Л. Ненадович, и как бы ни были хрестоматийно известны эти его слова, — повторим их еще раз:

„По читавом Ловћену можете свуда ићи од катуна до катуна, од колибе до колибе, свуда ћете лепо и весело бити дочекани, свуда ћете наћи разговора и забаве, свуда ћете бити понуђени различитим белим смоком, и густим овчијим млеком, у које обично метну пруду снега.

Ту је владика Раде провео оне дане, што се у сваком животу броје међу сретне; ту је он, као цар Давид, пас'о овце оца својега. Пушка му је била прва забава, а гусле су му биле пр-

ви учитељ; српска слава била му је прва љубав, а небо са својим звездама прва загонетка. Са висина ловћенских, као дете, гледао је неизбројно пута, како се сунце иза удаљених снежних планина подиже, а уз гусле слушао је песму, која му је казивала да је за оним бреговима Косово и Призрен, да онамо кроз лепе и плодне земље тече Лаб и Ситница. Неизбројно пута гледао је, како се сунце спушта у валове сињега мора; а песма му је казивала, да иза тога мора живе Латини. Са висина ловћенских, могао је видети све границе од малене Црне Горе, а гусле су му помињале далеке и непрегледне границе пространог српског царства. Видео је Црногорце стешњене у ове кршеве; а песма му је казивала, да су узели Турци поље, а Латини море, а њима остало само ове камените и неплодне горе. Ни помишљао није да ће он негда бити владика... Ловћен је био његов, шта друго може пожелети његушки ђетић? Станови његова оца били су под самим врхом Ловћена. Ту је било пространо царство његове слободе и његове радости" (Ненадовић, с. 165—166).

Пушкину, чтобы овладеть искусством создания произведений „в народном духе", потребовались годы творческих исканий, другой школы жизни. Негош же сразу запел как народный певец, поначалу он и не знал другой поэтической культуры кроме устной традиции. Потребовались годы учения, пока он поднялся на вершины книжной поэзии, из певца-гусляра превратился в поэта и стал рядом с Пушкиным. Но и заняв свое место на Олимпе европейской литературы, Негош не оставил своего гуслярского мастерства. Оно продолжалось в разных сферах: в собственно литературном творчестве (реминисценции юнацкого эпоса в „Горском венце", в „Свободиаде", стихи в форме десетераца и др.); в составлении и редактировании „Огледала српског"; в создании новых эпических песен, которые Негош справедливо считал одновременно своими и народными; наконец, в повседневном исполнении эпитеских песен „уз гусле".

Но к этому редкому сочетанию гусляр — поэт мы должны добавить еще одно, может быт даже более парадоксальное: сочетание гусляр — государственный деятель, гуслар — глава Черногории. Негош относился к черногорской эпической поэзии не просто как поэт или как человек, с детства впитавший ее, но как мудры политик, осознававший громадное ее значение для судеб народа и страны. Этим сознанием одушевлялся Негош и в своем повседневном обращении с гуслярами, в проведении традиционных цетиньских вечеров, когда в себеды владыки со своим окружением и с гостями почти обязательно включались исполнения гусляров, как своих, так и захожих. Сохранились на этот счет многочисленные свидетельства. Обобщая свидетельства очевидцев, Савва Вукманович писал: сваке вечери Његош је одржавао сједник у Биљарди пред оцаклијом на којем је скупљао Црногорце око себе. По причању једног старца, који му је двапут приступао руци, њему су тамо долазили стари људи и

главари које би он посадио испред себе и сâм сио за сто, узео оловку и хартију, па онда распитивао редом о појединим биткама, биљежио, не испуштајући из очију онога који говори. По његовом казивању тако је постало *Огледало српско*. За по неку пјесму или казивање повраћао се владика неколико пута". (Вукмановић, 1964, с. 95—96).

„У некаквим моментима и Његош је узимао гусле у руке и пјевао, не само своје, него и пјесме других пјевача из народа." (Вукмановић, 1968, с. 77).

Между свидетельствами путешественников и гостей Цетиньа мы находим несколько русских людей: их заметки позволяцт открыть такую грань, как осознание Негошем единства истории и песни у черногорцев. Александр Попов посвятил пребыванию в Цетинье в 1842 г. обширный „Очерк истории Черногорья", которы позднее превратился в книгу „Путешествие в Черногории" (СПб., 1847). О дружеских связях Попова и Негоша и о симпатии Негоша к русскому гостю свидетельствует стихотворное посвящение „Александру Попову":

Добро к нам доша, ти путниче мили,
из Москве велике, из Москве преславне, итд.

(Његош, књ. 2, с. 254).

К книге А. Попова я еще вернусь, здесь же отмечу следующее: сведения о событиях новейшей истории Черногории Попов черпал в первую очередь из живых рассказов самого Владыки. При этом в углу комнаты сидел старый воевода, и Негош, иногда „забывая число или имя, обращался к нему с вопросом, как главному деятелю в битвах" (С. Попов, с. 33). При этом, мы можем смело утверждать, рассказ о событиях перывался исполнением соответствующих песен самим Негошем. Так был записаны Поповым из уст гусляра-Владыки песни о сражении при Рогаме, о битве за село Мартиничи, о итвах на Мораче... „В подобных рассказах проходил каждый вечер" (Попов, с. 52). Что исполнителем был Негош, подтверждает другой источник, тоже русский, Спутник А. Попова: „Я и еще более товарищ мой (А. Н. П....ъ), долее меня пробывший в Черногории, записывали несколько исторических народных песен из уст самого Владыки" (Берг, с. IX).

Гуслярская песня для Негоша была выражением и средоточием народной истории — не просто в плане событийном, но и нравственном, духовном. Именно такой подход определил замысел и исполнение сборника „Огледало српско". В предисловии к сборнику Негош высказался о значении эпоса предельно кратко и четко: „За црногорске јпесне може се рећи да се у њима садржава историја овога народа, који никакве жертве није поштедио, само да сачува своју свободу" (Његош, књ. 5, с. 11).

Говоря далее о „строгой точности“, которой придерживается черногорская эпика, Негош, в отличие от Вука, вовсе не противопоставлял эту точность недостатку поэзии: он признавал, что в ряде случаев поэзия преувеличавает подвиги черногорцев, но ато — не во вред истории.

Позднее в письме Л. А. Франклу от 12 октября 1851 г. Негош вернулся к вопросу об историческом значении эпоса: „Наше су народне пјесне историја јуначка, епопеја народна; у њима човјек може видјети какав је народ који их пјева“ (Његош, књ. 9, с. 469). Затем в письме С. С. Уварову, адресуя один из экземпляров посылаемой книги Николаю й, он называет „Огледало“ „маленькой искрой черногорского народного гения, воспевающего геройские подвиги горсти славян, обреченной роком на всесожение за честь и славу великого племени славяанского и православного“ (Његош, књ. 9, с. 453).

Позднейшими исследователями достаточно аргументированно раскрыта эта главная установка Негоша — на воссоздание „народной эпопей“, „зеркала“ национально-освободительной борьбы черногорцев. „Зеркало“ — не „памятник“. Исследователи справедливо отмечали открытую идеологическую направленность книги, ее связь с политической современностью. Негош хотел, чтобы книга выполняла воспитательную функцию, возбуждая в народе чувство патриотизма и героическую самоотверженность во имя борьбы за свободу. „Воспитательной книгой“ назвал „Огледало“ П. А. Лавров. Д. Неделькович заметил, что „Огледало“ появилось на свет в критический для Черногории момент; „у љутой одбрани од подмукле непосредне најезде скадарског везира Осман-паше и у припреми општег народног устанка 1848“ (Недељковић, с. 577).

Общим замыслом определялись принципы отбора, расположения и редактирования материала. Впервые в издательской практике европейского эпосоведения песни были расположены в хронологической последовательности воспетых ими событий и почти каждая песня были датирована — часто не только годом, но и месяцем и числом. Принцип обязательной датировки в сущности противоречил установившемуся и господствовавшему характеру отношений эпической песни с реальной историей. Хотя черногорскаяа эпика XVIII—XIX вв. внесла в эти отношения существенные поправки, взяв за правило откликаться на конкретные события, воспевать подвиги конкретных лиц, сохранять конкретность обстановки, — однако же она сохраняла и поддерживала установку на художественно-исторические обобщения, на эпическую условность, размывавшую историческую конкретику, когда реальные факты укладывались в привычные типовые картины, реальные коллизии получали формульное выражение, а живые участники событий принимали традиционное обличье эпических юнаков, гайдуков, равно как и другие персо-

нажи получали эпические роли. Неслучайно, конечно, за редкими исключениями, эпические песни никаких датировок не содержали, сами гусляры не могли соотнести песни с исторической летописью, и в народном сознании песенные события и герои существовали скорее как единый комплекс параллельно связанных между собою, нежели как хронологически последовательный ряд. Негош упорядочил взаимоотношения песен с историей, выстроив их в виде эпопеи, объединил не просто хронологией, но внутренним движением истории. Это единство подчеркнуто тем, что у эпопеи — в отличие от народного эпоса — есть начальная точка — и эта точка совпадает с очень важным для черногорцев событием — „истрагом потурица" (Килибарда 1972, с. 184). С другой стороны, у эпопеи нет очевидного завершения, поскольку одна из последних песен — „Освета Јакше капетана" датируется мартом 1844. г., то есть подчеркнуто современна.

Можно догадываться, что некоторые из песен, заслуживавших быть включенными в антологию, не попали из-за трудностей с их датировкой. Другие, может быть, сами по себе замечательные, были посвящены событиям не столь значительным. Наконец, были целые циклы песен, которые Негош-политик, Владыка, озабоченный идеей объединения страны, преодоления племенной раздробленности, формирования национального самосознания, должен был оставить в стороне; это песни о межплеменных распрях, столкновениях, кровной мести и т.п. — все то, чем историк эпоса, конечно же, не мог пренебречь. „Огледало", с этой точки зрения, оказалось суженным, но это вполне объяснимо.

Но и среди песен, отвечавших общим критериям составителя, приходилось производить отбор. Сам Негош писал в предисловии: „Од црногорскијех пјесанах што сад на свијет излазе, ово није ни десети дио, но главни бојеви од 1702. сви су готово" (Његош, књ. 5, с. 11). Какие бои считать главными, — об этом судил составитель. Как показывает П. Ровинский, эти суждения не всегда поддаятся объяснению; например, Негош не придал значения сражению 1840 г., в котором погиб Ченгич-Смаил-ага и отличился известный юнак Новица Церович: песня об этом была опубликована в „Српско-Далматинском Магазину" за 1845. г., а само событие воспето Иваном Мажураничем (Ровински, Огледало, с. 97). Ровинский же заметил, что племена и братства в сборнике Негоша охвачены неравномерно: „Из Куча, гдје је било толико знатних бојева, забиљежена је само једна пјесма, а из Црмнице — ниједна; а да не зборимо о Васојевићима, који тада још нијесу ни припадали Црној Гори" (Ровински, Огледало, с. 258).

Наконец, скажем еще об одном существенном ограничении. Эпический репертуар черногорцев состоял из двух обширных разделов: песен общесербских и собственно черногорских ее „старыми темами", и песен о событиях черногорской истории XVIII

— первой половины XIX в. При составлении „Огледала“ Негош последовательно ориентировался на „песни второго репертуара“, непосредственно связанные с текушей борьбой народа за свободу (Килибарда 1972, с. 183; Зуковић, с. 240—241).

Исследовательями в детальх выяснены основные источники, которыми пользовался Негош, составляя свой сборник. Разгадана загадка с песнями, которые одно время приписывались самому Негошу, но были сочинены Петром II Петровичем (Његош, књ. 5, с. 487, 489). Выявлены все случаи использования Негошем текстов из сборника С. Милутиновича (Његош, књ. 5, с. 487—488). Основную массу текстов составили записи от певцов, которых в разное время слушал Негош в Цетинье. При этом Негош не посчитал нужным назвать их имена- равно как и имена записывавших. Наконец, четвертую группу текстов составили песни, сложенные самим Негошем. Вопрос — какие песни ему принадлежат — очень занимал исследователей и до сих пор не может считаться до конца разрешенным, хотя решение его и продвинуто, особенно в последнее время.

Исследователями замечено также, что на некоторых „чужих“ текстах лежит отпечаток руки составителя: включая в сборник, он подвергал отдельные тексты редактированнию. Конечно, поскольку эта сторона работы никак не документирована, исследователям приходится прибегать к догадкам, опираться на собственное понимание специфики народной эпики и творчества Негоша. Все же соображения специалистов во многом справедливы. Замечено, что в ряде случаев Негош вносил поправки, стремясь предать песням завершающие обобщения, вывести их за пределы локальной сюжетики. П. А. Лавров первых обратил внимание на завершающие стихи, внесенные Негошем в тексты Петра I Петровича: наиболее выразительный пример — девять завершающих стихов к песне „Стан полако, Рогоје, много ти је обоје“. (Лавров, с. 287—289). Песню о Милорадовиче Негош дополняет восемью стихами, желая подчеркнуть „истински сложну и једнодушну ослободилачку борбеност Црногораца“ а может быт и укрепить дух колебавшихся верхов черногорского общества (Недељковия, с. 580—581, См. также Зоговић, с. 434).

Труднее судить о поправках, которые, возможно, Негош вносил в песни, записанные по его поручению от народных певцов. Здесь он иногда, по-видимому, руководствовался собственными вкусами — не только поэта, но и гусляра. Не исключено, что Негош — именно как гусляр —создавал собственные варианты общеизвестных песен, при этом не отклоняясь от народной традиции, но оставаясь в ее рамках.

П. Ровинский обратил внимание на песни из „Огледала“ под 9 и 11 (ему, видимо, не было известно, что автором первой являлся Петр I Петрович): по его мнению, они — об одном и том же событии и, в сущности, представляют собою варианты одного сю-

жета, и датировать их разными годами не было оснований (Ровинский, Черногория, с. 30).

В самом выборе вариантов известных песен проявлялся вкус Негоша-редактора, сказывалось его понимание гуслярской песни как исторического и художественного феномена, хотя, с другой стороны, он был ограничен возможностями самой живой гуслярской традиции его времени и среды. На эту сторону дела обратил внимание Н. Килибарда. По его словам, Негош знал и помнил достаточно устных песен, владел стилистическо-композиционными и эстетическо-идеологическими особенностями эпики, старой и новой. Однако, в живой традиции далеко не все темы одинаково присуствовали, а великие певцы свречались ему каждый день. Черногория тех времен не была привлекательным местом для бродячих певцов (Килибарда, 1988, с. 14—15).

Исследователи признают состав „Огледала" неровным, но если вычленить тексты, взятые Негошем из прежних печатных изданий, а также песни, им созданные, то корпус собственно народных песен в сборнике выглядит значительным. П. Ровинский, сопоставлявший тексты из „Огледала" с вариантами из других изданий, как правило, отдает им предпочтение. Так, о песне „Ош гриво, туђе је мливо" (№ 61) он замечает, что в тексте „все части размерены и уравновешены... в ней нет ничего лишнего. Это и составляет характерную черту хорошей народной песни" (Ровински, Черногория, с. 297—299). По сравнению с вариантами у С. Милутиновича и Вука Караджича (песня „Три сужња") текст Негоша — „Плач три тавничара" „оригинальнее и во всех отношениях лучше" и полнее. (Ровинский, Черногория, с. 51—52). Р. Меденица сопоставив тексты Негоша с соответствующими вариантами из сборника С. Милутиновича, приходит к заключению, что „су песме за Огледало" стварно брижљиво купљене и одабирани добри певачи". (Меденица, с. 153).

Р. Меденица выделяет также песни „Бој за пасиште" (№ 34), „Разур Вранићах" (№36), „Осман капетан и Пјешивци" (№ 35) (Меденица, с. 179).

Особо выделяется цикл песен о Никаце из Ровиня. По-видимому, помимо всего прочего, к этому славному юнаку Негош-гусляр испытывал особое чувство. По рассказу В. Медаковича, Негош, бывало, „устајаше рано, па како устане пригрне свој црвени ћурак, шеће се по Биљарди, па би, ставши код прозора пут истока, пјевао црногорске јуначке пјесме тихијем гласом, а најрадије пјеваше Никца од Ровина" (Медаковић, с. 174—175). В сборнике цыелы четыре песни — о Никаце, но к тому же циклу относится и песня „Вук Томановић: герой ее, по словам самого Негоша, — „славни јунак црногорски и отац најхрабријег витеза Никца од Ровинах" (Његош, књ. 5, с. 480). Циклом песен и примечаниями к ним Негош сотворил эпическую легенду о Никаце, которая стала черногорской параллелью к Обиличевой легенде. Эту связь утверждает песни „Синови Обилића", в которой

подвиг группы чернгорских юнаков уподобляется подвигу Обилича на Косовом, с той лишь разницей, что Никац остается жив с семйю своим ранами. Цикл сотавляет, по меткому наблюдению П. Меденицы, „заокругљену целину: приказују Никца од ране младости до погибије већ у одмаклим годинама... То су уствари хармонично срочене песме без сувишне епске фразеологије, које стоје у неку руку на средини између поетски преоптерећене старије и приповедне хроничарске епике“ (Меденица, с, 153). На фоне преобладающего интереса Негоша к черногорской героике как проявлению коллективного народного свойства героике ни о Никаце выделяются именно индивидуалностью героя. По замечанию Н. Килибарды, Никац „као лик са оформљеним епским персоналитетом, био је најпогоднији јунак за улазак у центар једног колективног окршаја о коме је требало створити пјесму. Он је једини личао да освједочене јуначке способности, које су признате мимо племенских граница, надрасте у овој пјесми, у оној мјери колико је колективни окршај надрастао по своме значају појединачна и четна јунаштва“ (Килибарда 1976, с. 23).

Осмелюсь высказать предположение, что по крайней мере одну песню о Никаце — „Никац од Ровинах“ (№ 16) Негош включил в сборник по своему исполнению. Основываю эту догадку вот на чем: В. Медакович, сообщая о любви Негоша петь про Никаца (цит. выше), тут же приводит отрывок из нее (со слов „А какав је Никац од Ровина“!). Приводит либо по памяати, либо по записи, сохранившейся у него. Отрывок этот — ближайший вариант опубликованного в „Огледало“ гекста, разночтения характерны для текста одного и того же певца, который в разное время пропевал песню. Любопытное разночтение: у Медаковича:

Јер ако ме ватром изневјери,
свак' ће рећи и мени и теби:
лоша пушка у рђаве руке.
Ако ли ме ватром не превари,
већем данас погоди Турчина,
свак' ће рећи и мени и теби:
добра пушка, а у добре руке.

У Негоша сначала — стихи о „добре пушке“, а затем — о „лоше“. Такие перестановки обычны в исполнительской практике, но, возможно, Негош, готовя текст к печати, произвел ее и сознательно. Кроме того, вместо стиха „нечем данас погоди Турчина“ у Негоша — „нагрдићеш и себе и мене“, что вполне понятно из-за перестановки.

Теперь естественно перейти к одной из центральных тем — творчеству Негоша как эпического певца-гуслра. Разыскания в этой области значительны и, в большинстве, надежны. Мы и-

меем теперь возможность составить каталог сохранившихся эпических песен Негоша. Подведем краткие итоги.

По свидетельству Вука Врчевича, первым оригинальным сочинением Рада Томова „била је једна пресмијешна и више сатирична но историјска пјесма, скројена по народним десетосложним пјесмама (коју је он више пута крадимице од владике ђацима уз гусле пјевао) о некаквим ћеклићким сватовима, тако вјешто да се и сам владика, слушајући га једном из ћелије, у сав грохот смијао. У вријеме мога живљења на Цетињу, много сам за ову пјесму пропитивао, но у толико дуго вријеме већ се била заборавила“ (Врчевић, с. 111—112). Тот же Вук Врчевич вспоминает, что Раде Томову в 1829 г. попалась в руки русская книжечка о войне Екатерины с турецким царем, и он сложил об этом событии песню, которую пели по Черногори. „Ја сам ову пјесму више пута чуо наизуст пјевати од Крста Машанова Петровића“. Здесь же Врчевич по памяти привел несколько стихов — ответ султана на письмо царицы (См. Меденица, с 141). По предположению П. Ровинского, это — песня „Бој руски и турски под Чесме (1776 г. 26 июля)“, напечатанная в „Грлице“ за 1836 г. (Ровинский, Владика, с. 213). Более счасливой оказалась судьба другой песни на русскую тему: „Бој Руса са Турцима 1828“. Под названием „Нова пјесна црногорска о војне Русах и Тураках почетој у 1828 году“ С. Милутинович включил ее в свой сборник 1837 г. (Милутиновић, № 55). П. Ровинский отметил заключительные слова песни, выражавшие мысль, что „скоро будет вообще конец господству турок в Европе“ (Ровинский, Владыка, с. 213). Самую высокую оценку песне дал П. Лавров: И по объему (слишком 700 стихов), и по красоте, и по патриотическому одушевлению она может считаться одним из лучших подражений Владыки народной песне. Весьма изящно в ней начало, заключающее обращение к виле“ (Лавров, с 218). Под первым названием, принадлежавшим, очевидно, самому Негошу, песня была издана (с именем ее автора) в Цетинье в 1862 г. Из примечания явствует, что Негош сложил ее в 17 лет, „а народ је црногорски тако к срцу примио, да је скоро сваки Црногорац на изуст зна и на радие уз гусле попева“. П. Лавров свидетельствует, что ынекоторые меткие выражения ее и до сих пор уцелели в народе“, и сам он слышал одно Лавров, с. 219).

Несколько песен Негоша увидели свет в издания до „Певанија“ Милутиновича. В 1834 г. Негош анонимно издал в Цетинье сборничек из четырех произведений: „Лијек јарости Турске“. П. Лавров считал, что „три песни — в духе народных и одно — стихотворение“ (Лавров, с. 402). Вук Врчевич подтверждал авторство Негоша всех четырех произведений (Врчевић, с. 138). В. Латкович полагал, что собственно Негошу принадлежит стихотворение „Нахија“, а три песни взяты из народной традиции и, возможно даже, записаны от разных певцов, а в „Пјесни за Вида и Мирчету“ завершающие стихи добавлены Негошем (Лат-

ковић, 1962, с. 180). Наиболее серьезно обосновал принадлежность „Лијека“ Негошу Јевто Милович (Миловић, с. 54—81). „Пјесна за Вида и Мирчету“, „Ударац на Мартиниће“ и „Вук пријатељ овчи“ включаются в собрания сочинений Негоша и справедливо считаются образцами гусляарского творчества поэта.

С. Милутинович не только опубликовал песни Негоша, но и заявил о его авторстве специальным примечанием к одной из песен и обозначением других звездочкой (Милутиновић, с. 220). По окончательным даным, в сборнике С. Милутиновича — восемь негошевых текстов, из них один — „Сан на Божић“ к эпике отношения не имеет. Песню „Вот вигода“ (№57) приписал Негошу Б. Латкович (Латковић, 1949, с. 202—203). Она интересна, с нашей точки зрениѣ, тем, что содержит элементы так называемой неблыцы — жанра, хорошо знакомого русскому эпосу.

Остальные шесть песен: „Црмничани“ (№ 25), уже названная выше „Нова пјесна...“ (№ 55), „Мали Радојица“ (№ 56), „Нова Црногорска пјесна о боју с низамом у Мартиниће 22а април. 1832а годишта“ (№ 61), „Бјелице“ (№ 172), „Кавајка“ (№ 173).

Теперь обнаружилось, что в распоряжении С. Милутиновича имелось еще несколько текстов Негоша, и он предполагал включить их в сборник, но по каким-то мотивам изменил свое намерение (Миловић, с. 43—53). Во всяком случае, у нас есть все основания рассматривать их вместе с опубликованными. Таким образом, речь идет о девяти песнях.

О „Црмничанах“ П. Лавров замечал, что „по ней можно судит, насколько молодой поэт умел искусно подражать народной песне. В ней нельзя указать ни одного выражения, которое бы не было на своем месте, которое бы отличалось искусственностью“ (Лавров, с. 217—218). Русских ученый допускает здесь типичную ошибку, рассматривая песни Негоша как подражания народной эпике: на самом же деле молодой Негош предстает здесь не как поэт, но как гусляр, хорошо владеющий искусством складжвать песню под гусли при помощи традиционных формул, мотивов и композиционных приемов. И присуствие в етой и в других песнях оригинальных подробностей, картин, выражений обличает все же не поэта в обычном понимании этого слова, а гусляра, который ищет возможности освежить содержание и стиль эпической традиции.

Д. Недельковиц определил песню „Црмничани“ как пример „ка што већој и упечатљивијој епској сажетости“ (Недељковић, с. 570).

Особенно острый интерес у исследователей вызвал „Мали Радојица“. Поскольку сюжет этой песни хорошо извсетен народной юнацкой традиции (насчитывают пятнадцатй записанных вариантов), многие авторы склонны были и в тексте Негоша видеть еще одну запись от какого-то гусляра либо обработку мотивов, пропетых кем-то (См. у Недића, с. 149—150). Другие прямо относили „Малог Радојицу“ к индивидуальному художествен-

ному творчеству (Банашевић 1955, с. 239, Ђукић 1957, с. 194). Вл. Недич внимательно сопоставил текст Негоша с народными вариантами и выявил значительные различия в разработке сюжета, в стилистике, в характере изложения. В итоге он пришел к заключеню, что „Мали Радојица“ — несумњиво Његошева творевина“, лучшее, что он создал к 1833 г., она „превазилази све народне песме истога мотива, изузимајући донекле класичну варијанту из треће Вукове књиге“ (Недић, с. 153).

Наиболее точную оценку песне дал, по моему мнению, Д. Недельковиц: „Она је и народна у своме даљем развитку Његошева уколико је он као једну од најизразитијих и најлепших народних епских песама даље развио у још његошевски дубљем, целовитије народном духу“ (Недељковић, с. 574). Можно сказать, что в песне „Мали Радојица“ Негош-поэт обогатил Негоша-гусляра, но не сдвинул его с гуслярских основ искусства.

„Нова црногорска пјесна о боју с низамом у Мартиниће“ — единственная песня, которую Негош взял из сборника С. Милутиновича в „Огледало“. Мы к ней вернемся позже.

Песня „Бјелице“, как и „Црмничани“, относится к типу кратких гуслярских песен, обе они имеют в своей основе конкретные события, о которых Негош знал из изустной истории.

В этот же ряд входит и песня „Кавајка“, сюжет которой (особенно развязку) никак нельзя считат традиционным. Р. Меденица справедливо замечает о кратких песнях Негоша: „Ови хроничарски покушаји да се појединачне епизоде песнички заокругле у целине веома су карактеристични за једног петнаестогодишњег младића... Раде Томов је овде народни певач али певач стваралац“ (Меденица, с. 143).

В связи с „Кавајкој“ возникает еще один интересный вопрос: обнаружен текст песни, писанный рукой самого Негоша, под заглавием „Пјесна од буле и Кокотлије“. Милович выявил многочисленные мелкие, но все же подчас существенные разночтения и справедливо отнес их на счет редакторского вмешательства С. Милутиновича, которые в ряде случаев не улучшали, а портили авторский текст (Миловић, с. 47—48).

С. Милутинович не включил в свой сборник „Пјесну за Серба и за Турке“, также сохранившуюся в рукописи и записанную самим Негошем (Миловић, с. 49—50, Милутиновић, Д5), Она, как и третья песня из обнаруженной рукописи, — „Пјесна о Пиперима и Турцима“ (Миловић, с. 51—53; Милутиновић, Д6), примыкает к типу кратких юнацких о подвигах черногорцев. Милович датирует их годами молодости Негоша, когда он был еще учеником С. Милутиновича.

Итак, мы располагаем целым циклом юношеских песен краткого типа Негоша-гусляра (подключим сюда еще песню „Вук пријатељ овчи“), и возникает настоятельная необходимость провести тщательный их анализ, сопоставив корпус мотивов, картин, формул, типовых выражений, особенностей языка и других элементов с народной гуслярской традицией. До сих пор иссле-

дователи ограничивались единичными, иногда вкусовыми, субъективными наблюдениями. Между тем, желательно включить этот материал в известную нам систему черногорской эпики и в ее контексте постарается выявит спецификой и творчества Негоша как гусляра, одновремено замечая следы его творчества как поэта.

Безусловно, центральную часть „гуслярского фонда“ Негоша по праву занимают песни, которые он внес в „Огледало српско“. Долгое время вопрос о составе этого фонда пребывал в состоянии неопределенности. С одной стороны, была тенденция приписывать Негошу все песни, в которых обнаруживались следы „искусственности“, в том числе песни, впоследствии идентифицированные как принадлежащие Петру I Петровичу (теперь этот последний вопрос окончательно разрешен. — См. Банашевић 1951). С другой стороны, в пользу авторства Негоша относительно некоторых песен аргументов было недостаточно, и это вынуждало осторожных исследователей воздерживаться от категорических выводов. П. Лавров считал, например, что лишь о песне „Бој на Мартиниће“, „имеется прямое указание об ее принадлежности владыке Петру II-му. Из остальных песен сборника мы склонны признать принадлежащими владыке те песни, в которых заметна некоторая искусственность“, то есть опять-таки — песни Петра I Петровича (Лавров, с. 286—287).

Благодаря работам последних десятилетий (Банашевић 1963, Калезић, Миловић и др.) надежно установлена принадлежность Негошу по крайней мере шести песен „Огледала“: „Бој на Мартиниће (№ 54), „Освета ускочка“ (№ 55), „Похара Жабљака“ (№56), „Погибија Бећир-бега Бушатлије“, (№ 57), „Удар на Салковину“ (№ 58), „Освета Јакше капетана“ (№ 59). Обратим внимание на то, что все эти песни собраны вместе, тем самым как бы выделены в особый цийл. Независимо от авторства особенность их в том, что они посвящени современности. Таким образом, „чужих“ песен о событиях 30—40-х годов в „Огледало“ нет. Все они — о событиях 30—40-х Негош был непосредственным свидетелем и даже в известной степени участником — причем уже как Владыка. Последняя песня перед циклом — „Освета за невјеру Турску“ датируется 1820 г., то есть годом, когда Раде Томову было всего семь лет.

Негош возложил на себя особую обязанность — пропеть о важнейших событиях времени его правления. Эту роль он продолжал играть и после выхода „Огледала“: две новых песни, и созданные, были напечатаны в сборничке „Кула Ђуришића и Чардак Алексић 1847. године“, у Бечу, 1850. А начало было положено песней „Ударац на Мартиниће (1832. года, 23. априла)“, объявленной в анонимно изданном сборнике „Лијек јарости турске“ (1834). Таким образом, мы вправе говорить о цикле из девяти больших гуслярских песен Негоша, связанных своим содержанием с героическими событиями времени его правления, то

ест с событиями, за которые он нес как бю личную ответственность перед своим народом, перед странами, с которыми находился в дипломатических отношених, и перед историей. Тем самым значение песен далеко выходило за пределы обычного гуслярского отклика, они заключали в себе определенную концепцию современной ему черногорской истории, включая обоснование права черногорцев на активуную борьбу против турок, и выражали Негошево понимание героизма, свободолюбия и национального сознания черногорцев. Вместе с тем Негош следовал вековым черногорским традициям, избирая форму гуслярской песни для выражения важных, государственного масштаба идей: устами Негоша-гусляра говорил как бы сам народ — в привычной, хорошо знакомой ему манере. В эту традиционную форму общения с современниками и соотчественниками Негош почти незаметно вносил нечто новое, не столь уж знакомое, но — облеченное в традиционные одежды, и в окружении много раз слжшанных мотивов, картин, формул — это новое должно было воздействовать в нужном направлении. В этом плане очень показательны начала и концовки негошевых песен. Песни открывались ворошо всем знакомыми картинами: сон-предсказание, клик вилы, письмо побатиму, зловещее кукование кукушки... Эти начала определяли движение повествования, настраивали слушателей на традиционное восприятие. Исследователи на ряде примеров показали, что Негош и в повествовательной части своих песен следовал выработанным традицией эпическим канонам, осторожно и ненавязчиво внося свое — новые краски и выражения и новое толкование событиь и героев.

Обратим внимание на два принципиальных момента, отличающих песни Негоша от традиции. Первый открывается в концовках, какие предлагал Негош, заключая изложение геройских подвигов своих черногорцев. В них проявляется публицистическое начало, мышление Негоша — политика: он стремится вывести событие и его участников на более широкое политическое постанство. Так, песенная реляция о сражении у Мартиничей завершается пространной „речью“ гусляра „от себя:

Ал' дичи се, село Мартиниће!
Мартинићи, српски соколићи,
ви цареве паше исправљате
са пуцима вашијех брешаках
да се не би који преварио
и у дубље с војском загазио
да султану љепши дар понесе...

И завершается эта концовка словами о „слободној српској Гори Црној — што зависи од једног бога / и од свога духа витешкога“.

„Похара Жабљака“ завершается словами памяти о погибших и славой в их честь:

нека гину, весела им мајка,
њихове ће душе царовати,
јер су живот и поштење дали
и освету браће и племена
од Турчина, стара безвјерника!

В песни „Богибија Бећир-бега Бушатлије“ снова — похвала победителям, но с подключением совсем нового мотива — награждения юнаков медалями. Здесь гусляр уступает место владыке, вручавшему эти медали отличившимся и поздравлявшему их:

то је дика у свијет војника —
нек их носе, нека се поносе,
јер су они крило од крајине,
од крајине крвљу обливене!

Второй принципиальный момент (он находит выражение уже и в концовках) — это более высокая степень исторического содержания песен по сравнению с народной традицией. Черногорские песни обладали своей мерой исторической конкретности и точности. В любой песне имелись какие-то подробности, локальные приметы, характерные для воспеваемого события, и певцы следили за тем, чтобы в описании подвигов соблюсти достоверность, хотя неизменно, говоря словами из предисловия Негоша к „Огледалу“, „на неким мјестима понешто увеличава подвиге Црногорацах“. Конкретика в конце концов укладывалась в традиционные формы. Певцы о самих событиях и об их участниках знали столько, сколько предоставляла им песня, заключенная в жесткие рамки традиции.

Негош внес в обращение песни с реальной историей существенные поправки. Не следует забыват, что его знание событий было неизмеримо шире и богаче знания рядовых черногорцев. Оно было и качественно иным, поскольку он получал информацию из разных источников, как устных, так и письменных, и поскольку как политик должен был размышлять о причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях происшедшего, а к тому же еще — и слать свои отчеты лицам, в точке зрения которых он был заинтересован.

В песнях Негоша конкретика представлена гуще, и многие песенные места при внимательном чтении обнаруживают достоверную основу. В этом плане показательны наблюдения Миловича, который сопоставлял эпизоды и мотивы песен с письмами и отчетами Негоша, касавшимся тек же событий. В ряде случаев эпизоды песен „повторяют“ реляции Негоша, совпадая

с ними в деталях. Народный гусляр описывал события как очевидец, хотя, разумеется, должен был опираться на сторонние свидительства. Негош, сохраняя во многом позицию очевидца, дополнял ее позицией „документалиста“, „летописца“, способного взглянуть на происходившее как бы со стороны, готового обратиться за какими-то сведениями к „архиву“ и вообще знающего много такого, чего в пылу событий узнать невозможно. J. Милович обратил внимание на то, что в песне „Похара Жабљака“ Негош без ошибок перечислял титулы черногорских предводителей, точно различая, кто сердар, кто кнез, а кто воевода (Миловић, с. 101—102). Так же точно названы с титулами около 25 турецких старейшин — этого ни один гусляр сделать не мог!

J. Милович показывает, что и описание перипетий „похары“ Жабляка совпадает с сохранившимися письменными отчетами Негоша и документами. При всем том в той же песни — „живописные стихи“, „дивные сравнения“ (например, „жутих бркова до рамена са соколовим крилима“), „дивне слике“, которых не мог бы сотворить народный певец, а лишь поэт-художник, и к тому же „кроз пјесму... пробије и једра мисао, која опомиње на Његоша“ (Миловић, с. 106—107).

П. Ровинский в свое время называл „Похару Жабљака“ „прекрасной в целой композиции и в деталях“ и добавлял. „Только он и был способен создать такую художественную песнь, которая в то же время вполне сохраняет народный характер“ (Ровинский, Черногори, с. 42).

И в песне „Удар на Салковину“ стремление к достоверности и конкретности (исследователи обнаруживают связь содержания песни с донесением Негоша J. Гагићу, посланным спустя 11 дней после события. — Миловић, с. 136) с верностью песенному настрою, следованием гуслярской традиции и следами поэтической индивидуальности. Пример этой последней приводит С. Калезич. Картина убийства из ружья в песне „Освета ускочка“ „нигдје у нашој обилној народној поезији она није дата у таквој слици и тако моћно као овдје...

војвода га гађа цефердаром“ итд. (Калезић, с. 956).

Если исследователи смогли многое сказать о Вуке как создателе эпических песен, то о Негоше-гусляре, певце сказано крайне мало. Кажется, не сохранилось сведений о его гуслярском искусстве, манере гудения и пения. Попытаемся хотя бы отчасти представить его репертуар. Очевидно, что он не ограничивался песнями, им созданными. Об исполнении им одной песни о Никаце уже упоминалось выше, со слов Вука Врчевича. Никацу посвятил несколько страниц своей книги А. Попов. Его повышенное внимание к этому юнаку, думается, идет от разговор с Негошем. Его характеристика этого героя явно подсказана Негошем: „Сохранились имена некоторых героев, особенно прославившихся... Например, много лет тому назад жил пастух Ни-

кац Томанович... лицо славное в народных песнях, гроза соседних турок" (Попов, с. 190). Довольно подробно Попов пересказывает песню, которая опубликована тол ко в „Огледало" под названием „Синови Обилића" (№ 18). При этом в пересказе есть подробности, отсутствующие в опубликованном тексте — возможно, что Попов слышал ее от Негоша в одном из вариантов. Так же подробно Попов излагает содержание песни, которую сам называет „Четски зајам". Под этим названием есть песня о Никаце у Милутиновича (№ 141), но иного содержания. Не слышал ли Попов пересказанный им вариант опят-таки от Негоша? Наконец, пересказ третьей песни совпадает с текстом „Смрт Никца од Ровинах" в „Огледало" (№ 21), хотя и заключает несколько частных расхождений с ним.

В книге А. Попова напечатаны еще две песни, которые соответствуют двум песням из „Огледала": о битве при Рогаме (с. 229—241) — та же, что „Удар на село Рогаме" у Негоша (№ 47), и о битве при Мораче (с. 254—267) / та же, что „Бој на Морачи Горњој" у Негоша (№ 52). Скорее всего, они записаны от Негоша, и, следовательно, Негош если не автор (на такое заключение мы не решаемся), то исполнитель. Легкие разночтения поволяют предположить, что сопоставляемые тексты были исполнены одним и тем же певцом в разное время: в песнях о Рогаме: „Пиле Аге подгоричко вино" — „Збор зборише аге подгоричке". В песнях о Мораче: „два кнеза дробњачка" — „два дробњачка кнеза"; „Хайде с войском брже у Морачу" — „Купи војску, хајде у Морачу"; „главе посѣкоше" — „главах откидоше" и др.

Говорят о редакторском вмешательстве Негоша в тексты Петра I Петровича. Не справедливее ли предположит, что Негош „перепевал" отдельные места песен своего предшественника, выступая в качестве их исполнителя?

„Огледало" подлежит еще тщательному анализу с точки зрения возможности выявления в нем песен, которые Негош напечатал с собственного исполнения.

Второй очень важный вопрос о Негоше-гусляре — это вопрос о его отношени к текстам. Попробовать осветить его можно, опираясь на имеющиеся записи одной и той же песни из числа им созданных. Я возьму для сравнения песню Негоша, известную нам сейчас в трех различных записях. Первая была сделана для Вука Караджича в начале 1841 г. Вук не включил ее в свои публикации, и она увидела свет в кн. 8 „Државног издања" в 1900 г, (№ 58) под названием „Пјесна од боја 1839 године". Сохранилась и рукопись, присланная Негошем. Н. Банашевич без серьезных оснований утверждает, что цетиньский переписчик песню „није слушао из уста певача него је имао пред собом писани текст" (Банашевић 1963, с. 264). Но если это даже и так, то оригиал этого „писанога текста" был ,конечно же. записью пропетой песни. Вторую запись сделал А. Попов в 1842 г. в Цетинье: будучи гостем Владыки, он слушал и записывал от

него песни, которые затем частично опубликовал. Нас в данном случае интересует „Песня о битве при селе Мартыничах“ (с. 242—253). О том, что Попов записывал на слух, а не копировал чей-то текст, и скорее всего — с пения, а не под диктовку, свидетельствует, во — первых, применение русской транскрипции (например, для передачи е, а, у после мягкого согласного он употреблял соответственно ѣ, я, ю; вместо ј — й и и, мягкие Њ и Љ передавал через нь и ль и др.), и, во-вторых, порядочное число ошибок в написании слов, имен. топонимов.

Третий текст мы находим в „Огледало“ — это „Погибија Бећир-бега Бушатлије“ (№ 57).

Обнаруживая в трех записях многочисленные и разные по характеру разночтения, трудно представить их плодами „кабинетной“, „застольной работы редактора-литератора. В подавляющем своем большинстве они естественно воспринимаются как варианты появляющиеся при разновременных исполнениях у одного и того же певца.

Попробуем систематизировать разночтения по их типам (в скобках источних обозначаем сокращенно: В., П., О; тексты Попова приводим без исправлений).

I. Разночтения внутри одних и тех же стихов.

а) Случай „равноправных“ по содержанию и стилю разночтений. „Ђе су многе до сад прокукале“ (В.) — „Де су многе досад закукале“ (П.) — „Ђе су досле многе прокукале“ (О); „О несрећњу дневи Видовоме“ (В.) — „о несречном дану Видовоме“ (П.) — „О несрећном дневу Видовоме“ (О.); „Пак отолен Спужу крвавоме“ (В.) — „С войском хайде Спужу крвавоме“ (П.) — „Хајде с војском Спужу на крајину“ (О.). „Успут узе Подгорицу листом“ (В.) — „Собом узе варош Подгорицу“ (П.) — „Успут узе варош Подгорицу“ (О.); „Ал Бег силну војску подигнуо“ (В.): — „Ал’ Бег силну окрену войску“ (П.) — „А Бег трећу обрнуо војску“ (О.); „И још много јада поградити“ (В.) — „И ту доста јада учинити“ (П.) — „И јошт много јада починити“ (О.); „Да приспјеше крајичници љути“ (В.) — „Да приспѣше листом краичници“ (П.) — „Да приспјеше брдски крајичници“ (О.); „Тадар Срби Бога покликоше“ (В.) — „Тадар Срби Бога споменуше“ (П.) — „Онда Срби Бога споменуше“ (О.); „А он Бегу главу ограбио“ (В.) — „А он Бегу главу осѣкао“ (П.) — „А он Бегу главу откинуо“ (О.); Ере Турци бјеху умакнули“ (В.) — „Ере беху Турцы побѣгнули“ (П.) — „јере Турци бјеху измакнули“ (О.).

Не меньше расхождений и у двух вариантов с третьим: „А отоле варош Подгорицу“ (В. и П.) — „с војском варош Подгорицу дође“ (О.); „Девојком и младом невѣстом“ (П.) — „Све девојком и невјестом младом“ (В. и О.); „А ти ми је даде без ријечи“ (В. и П.) — „А ти ми је без ријечи даде“ (О.); „А за војском хазну и захиру“ (В.) — „И даде му хазну и захиру“ (П. в О. нет); „Те су згодне за мога харема“ (В.) — „за харема мога“ (П. и О.); „За низамом зиле и борије“ (В.) — „И се шњима зиле

и боріе“ (П. в О. нет); „Попалићу све влашке крајине“ (В.) — „каурске крајине“ (О. и П.); „Ту је један конак преноћио“ (В.) — „Ту је с војском конак учинио“ (О. и П.).

Примеры можно еще добавлять, но вывод очевиден: Негош не создавал песенных текстов с жестко фиксированными стихами; свободно владея техникой создания десетераца в ходе исполнения, располагая набором микроформулов, эпитетов и т.д., он при каждом новом исполнении варьировал внутри отдельных стихов, и это варьирование было нередко вполне спонтанным.

б) Следующие примеры говорят, может быть, о том, что имел место „выбор“ равнозначных по смыслу, но с разными оттенками, слов и словосочетаний внутри стиха. Так, эпитет „влашке“ мог заменяться на „каурске“, „брдске“; „влахиње“ — на „робља“, „робиње“; „Скадар бијели“ — на „Скадар на Бојану“. Вот еще примеры: „Бећир-беже, мој верни витеже“ (В., П.) — „Бећир-беже, мој соколи сиви“ (О.), а рядом: „Бечир беже, мои соколе сиви“ (П. у В. нет) — „Бећир-беже, турска поглавицо“ (О.); „Јере ћемо зором ударити“ (В.) — „јер хоћемо јутрос ударити“ (О. и П.); „Ал је љута пушка одолела“ (В.) — „Ал' је мука и невоља љута!“ (О. и П.); „јуначка медаља“ (В.) — „од срме медаља“ (О. и П.).

Разумеется, разграничить точно случаи а) и б) не всегда просто.

в) Некоторые разночтения результат очевидного „улучшения“ отдельных стихов, придуманного заранее или родившегося по ходу исполнения: „Све војника, једнакога лика“ (В. и П.) — „све војника, све једнаког лика“ (О.); „Кука млада, јест јој за невољу“ (В. и П.) — „Ако кука, јест јој и невоља“ (О.).

2. Немал ослучаев, когда при разных исполнениях в песне либо выпадали, либо добавлялись отдельные стихи, либо соответствующие стихи всплывали в другом месте. Скорее всего, такие изменения происходили спонтанно, сам певец мог их и не замечать.

Хајде с војском варош-Подгорици,
ту ћеш с војском конак учинити,
а ујутру рано подранити;
с собом узми варош Подгорицу (О.).

В тексте Вука пропущен второй стих, у Попова нет третьего (кроме того, разночтения есть внутри стихов).

У Вука нет стихов соответственно тексту „Огледала“: 48—50, 52—54, 57 (но они возникают ниже, в несколько ином контексте и с разночтениями), 88, 172, 189—190, 248, 272—273 (у Попова все они есть). С другой стороны, в „Огледало“ нет ряда стихов, имеющихся в двух других текстах. Например, речь паши излагается без трех стихов (после ст. 60); нет первого стиха в двустишии: „И Паши се поклонио дивно, Па окрену силови-

ту војску"; нет стиха „Па отолен војску окренуо (после ст. 90); опущен второй стих в двустишии: „Кад нећеља напуни се данах, Једно јутро бјеше уранио" (после ст. 107); выпал стих „Коњ до коња, јунак до јунака" (после ст. 134); у Попова и в „Огледало" (после ст. 208) нет стиха „И без ране и без главе мртве". Есть случаи, когда у Вука и в „Огледало" нет стихов, имеющихся у Попова: „Да сотремо на денар краине" (после ст. 115 в О.); „Солдатїю све у дуге врсте" (после ст. 127).

„Случайность" пропусков, обусловленная инерцией гуслярского исполнения, особенно очевидна в следующих примерах. После двух стихов: „А Брїани своје не гледају, већ једнако бојем јуришају" у Вука и в „Огледало" нет стиха, которых есть у Попова: „с ножевима у біеле руке", но вариант его является в „Огледало" через три стиха (у Вука его нет), а затем „восстанавливается" пятнадцатью стихами ниже, хотя и в другом сочетании (О., ст. 218—219; также и у Вука). От следующего пассажа у Вука (и Попова с легкими разночтениями):

Са низамом убојне топове,
За низамом зиле и борије,
И добоше, што замећу кавгу,
Од страшљивца те гради јунака

в О. есть только первый стих (ст. 60). Но тот же пассаж мы находим в О. выше (ст. 26—29), а здесь его ни у Вука, ни у Попова нет.

Сравнение текстов показывает, как Негош от исполнения к исполнениЊ „искал" наилучшее выражение одной формулы — призыва Бушатлии:

Хазур да сте, пјешци и коњици,
Ко је пјешак, притежи опанке,
А коњици, коње хазурајте. (В.).
Кое пѣшац притежи опанке,
А коньици конѣ хазурайте,
Баряактаре баряке развите. (П.).

И наконец:

Ко је коњиц, коње хазурајте,
А пјешаци притеж'те опанке. (О.).

3. Разночтения носят характер „распространений".
У Попова — три стиха:

Да приспѣше листом краичници.
Плечи даде а бѣжати стаде,
А за ньима сва ньихова войска...

У Вука между вторым и третым стихами было еще: „А за њиме Лекићу спахија“.

В „Огледало“ здесь уже пят стихов:

Да приспјеше брдски крајичници,
препаде се, да га бог убије,
те побјеже натраг без обзира,
а за њима Лекићу спахија,
а за њима сва њихова војска.

Весь пассаж приобрел законченность и стройиость.

„Распространения“ могли утрачиваться в позднейших ис-
шемлук учинише, па погипшу брађу укопаше“, у Вука соответ-
шемлук учинише, па погипшу брађу уокпаше“, у Вука соответ-
ствуют пять:

На три пута шемлук учинише,
И отлен се натраг повратише,
Пјевајући и пушке мећући,
Накићени турскијем оружјем,
И многијем турскијем главама.

4. Только что приведенное расхождение и некоторые другие можно рассматривать как альтернативные разработки. У Попова:

Од тайница те пождиша Турцы,
Стои вриска у бой крайчника,
Чераю се войске по мейдану
Два сахата, тамо и овамо,
Кад у трећи сахат уљегоше,
Тадар Срби Бога споменуше,
А на Турке огань положише,
Ту се проли крвца од юнака,
Како бурна киша из облака.

У Вука последние два стиха отсутствуют (правда, они всплывают ниже, вместе со стихами: „У то Турци плећи обратише, Брајичници у њих ударише“, которых нет ни у Попова, ни в „Огледало“), а вместо них: „Нож сијева, крв се пролијева, Стоји јека рањених јунака“; после третьего стиха у Вука: „По мегдану пољем широкијем“, в стихах шестом-седьмом соответственно разночтения: „поклакоше“, „мушки ударише“. В „Огледало“ вместо второго-третьего стихов: „бој огњени траја два сахата“; вместо седьмого: „и сви сложно пушки опалише, а пламене ноже повадише, па у Турке јуриш учинише“; два последние стиха сохранились.

У Вука и Попова:

Нож сијева, крв се пролијева,
Стоји јека рањених јунака
(У П. — „мртва и ранена“)
Неки веле „Лели мени, мајко!
(у П. — „ему майко“).

В „Огледало“:

ту јаучу мртви и рањени:
неки вичу: „Леле њему, мајко!“
неки веле: „Прихвати ме, друже,
каури ми посјекоше главу!“

„Еще пример „распространения“. В „Огледало“ и у Попова:

Доведи их Скадру на Бојану!
(у П. — „біеломе“)
И јошт га је паша сјетовао:
Бећир-беже, турска поглавицо
(у П. „мој соколе сиви“)
када кћенеш с војском ударити,
ударити каурској крајини
(у П. — „на влашку краину“)
напред пусти Малесију љуту
(у П. перед этим — „Од Жабљака до тврде Фундине“)
За њом стави низам у параду...

У Вука много короче и по-иному:

Доведи их Скадру бијеломе,
Но кад пустиш војску на крајину,
Напред пусти љуту Арбанију,
За њом стави низам у параду.

А немного ниже возникают два „утерянных“ стиха: „Сатри с војском све влашке крајине Од Жабљака до тврде Фундине“.

Приповеденные примеры (их можно увеличить) позволяют сделать несколько выводов. Очевидно, что Негош работал над своими песенными текстами не как поэт, редактор, но как типичный гусляр, во время их пропевания. Каждое новое исполнение было одновременно воссозданием текста в своем варианте. Негош не фиксировал жестко текстов своих песен, но свободно (в рамках уже сложившегося корпуса) варьировал их. В одних случаях это варьирование было спонтанным, связанным с „инер-

ции“ исполнения, в других — оно несло печать осознанных поисков наилучшего выражения. Аналогичный подход Негош применял и к общему репертуару, каким владел подобно другим черногорским гуслярам.

БИБЛИОГРАФИЈА

Банашевић 1951 — Банашевић Н. *Песме о најстаријој црногорској историји у „Пјеванији“ Симе Милутиновића.* — Српска академија наука, Зборник радова, Књ. X. Институт за проучавање књижевности, Књ. I, Београд, 1951.

Банашевић 1955 — Банашевић Н. *Поезија младога Његоша.* — „Савременик“, 1955, № 9.

Банашевић 1963 — Банашевић Н. *О двема песмама из Његошевог „Огледала српског“.* — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1963, св. 3—4.

Берг — *Сербские народные песни.* Перевел Н. Берг. С предисловием Редактора о сербской народной поэзии. — Московский Литературный и ученый сборник на 1847. год. М., 1947.

Врчевић — Врчевић Вук. *Живот Петра I Петровића Његоша, владике црногорског.* — Книге Матице Српске, Бр. 47. Нови Сад, 1914.

Вукмановић 1964 — Вукмановић Саво. *Црногорци о Његошу.* — Рад X-ог Конгреса Савеза фолклориста Југославије на Цетињу 1963. године. Цетиње 1964.

Вукмановић 1968 — Вукмановић С. *Гусле на црногорском двору.* — „Народно стваралаштво. Folklor“, 19687 св. 25.

Ђукић 1957 — Ђукић Трифун, *Једна народна песма у Његошевој обради.* — Књижевност и језик“, 1957, бр. 5—6.

Ђукић 1964 — Ђукић Трифун. *Како је Његош стварао „Огледало српско“.* — Рад X-ог Конгреса Савеза фолклориста Југославије на Цетињу 1963. године. Цетиње, 1964.

Зоговић — Зоговић Радован. *Црногорске епске пјесме разних времена.* Антологија. Титоград, 1970.

Зуковић — Зуковић Љубомир. *Вукови певачи из Црне Горе.* Београд, 1991.

Калезић — Калезић Сл. М. *Његошев удио у „Српском огледалу“,* — „Стварање“, 1966, № 9.

Караџић — *Српске народне пјесме.* Скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књ. 8. Београд, 1901.

Килибарда 1972 — Килибарда Новак. *Поезија и историја у народној књижевности.* Београд, 1972.

Килибарда 1972 — Килибарда Новак. *Легенда и поезија.* Огледи о народној епици. Београд, 1976.

Килибарда 1989 — Килибарда Новак. *Из корријена усмености.* Приштина, 1988.

Лавров — Лавров П. А. *Петр II Петрович Негош, Владыка Черногорский, и его литературная деятельность.* М., 1887.

Латковић 1949 — Латковић Видо. *Једна сатирична песма Његоша.* — Гласник Српске Академије наука. Књ. I, св. 3. Београд, 1949.

Латковић 1962 — Латковић Видо. *Да ли је Лијек јарости турске у целини Његошево дело?* — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1962, св. 3—4.

Мартиновић — Мартиновић Нико С. *Трагом једне Његошеве пјесме од старе српске, до још древније словенске митологије.* — Гласник Етнографског музеја на Цетињу, Књ. 3. 1963.

Медаковић — Медаковић В. М. Г. *П. П. Његош, посљедњи владајући владика црногорски.* Нови Сад, 1882.

Меденица — Меденица Радосав. *Наша народна епика и њени творци.* Цетиње — Београд, 1975.

Миловић — Миловић Јевто М. *Стазе ка Његошу.* Титоград, 1983.

Милутиновић — Милутиновић Симо Сарајлија, *Пјеванија Црногорска и Херцеговачка.* Приредио: Добрило Аранитовић. Никшић, 1990.

Његош, књ. 2 — *Целокупна дела Петра II Петровића Његоша.* Књига друга. Пјесме. Луча микрокозма. Проза. Пријеводи. Београд, 1953.

Његош, књ. 5 — *Целокупна дела Петра II Петровића Његоша.* Књига пета. Огледало српско. Београд, 1974.

Његош, књ. 9 — *Целокупна дела Петра II Петровића Његоша.* Књига девета. Писма. III. 1843—1851. Београд, 1955.

Недељковић — Недељковић Душан. *Његош гуслар и фолклорист.* — „Народно стваралштво". Фолклор". -963, св. 3.

Недић — Недић Владан. *Његошев „Мали Радојица".* — В. књ. Недић Владан. *О усменом песништву.* Београд, 1976.

Ненадовић — Ненадовић Љубомир П. *О Црногорцима.* Писма са Цетиња 1878. године. Нови аСд, 1899.

Попов — Попов Александр. *Путешествие в Черногорию.* СПб., 1847.

Пушкин — Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений в десяти томах.* Т. X. Письма. М.—Л., 1949.

Ровинский, Огледало — Ровински П. А. *Српско Огледало.* — „Луча", 1895. I. (Цит. по: *Ровински о Његошу.* Цетиње, 1967).

Ровинский, Черногория — Ровинский П. А. *Черногория в ее прошлом и настоящем.* Т. 2, кн. 3. СПб., 1905.

Ровинский, Владика — Ровинский П. Владыка Петр II (1813—1851). — *Славянские страны и русская литература.* Л., 1973 (публикация В. К. Петухова).

Б. Н. Путилов

ЊЕГОШ И ЦРНОГОРСКА ЕПСКА ТРАДИЦИЈА

Резиме

У реферату „Његош и црногорска епска традиција" аутор компаративним моделом анализе показује корелације „Огледала српског" и народне поезије. У поређењу се користе текстови српског епоса које је сакупио и публиковао Вук Караџић. Аутор указује на истородност народне поезије и стихова „Огледала српског", третирајући их као *варијанте* које је Његош записао од црногорских и херцеговачких гуслара, честих Владичиних гостију. Најзад, аутор је у анализу укључио и преводе „Огледала српског" на руском језику.